"Генерал!" Е Шии поспешно вошел в большую палатку, позвал, затем открыл занавес внутренней палатки и вошел внутрь. Когда он увидел рану на теле Мэн Су, его глаза сузились, и он вздохнул. , сказал: "После расспросов у Ху Цюйфэна и Сунь Чэнсина завязался роман. Когда лагерь мастера был расквартирован, она попросила логистическую сторону попросить палатки и другие вещи. Случилось так, что она пошла за вещами. Я услышала это рядом с ним. У Дангсяна сложились хорошие отношения с Хейшей. Он не испугался, когда взял Хейшу на основной счет, а заключил с ней сделку. Первоначально он привел с собой дюжину человек. В то время семья Канг разрешила принять только двоих. Люди вошли в дом, а другие нашли ее после того, как убежали. Ду Минг и остальные собирались расследовать то, что она подслушала и рассказала людям Хэйши, но потом ее перевели в медпункт, и у нее не было возможности связаться с другими, пока, когда мастер покинул лагерь, он не остановился в медпункте." После паузы, Е Шии сказал: "Я немного удивлен. Она не знала, что брат Мэн был там. Почему черные злые духи убили мастера? Ху Куйфэн сказал, что она тоже не знает, почему Хэй Ша должен убить мастера, просто сказал, что он хочет получить что-то от мастера, и эта вещь названа старшим Хэй Ша."

Посторонние не знают ни конкретной ситуации в семье Линг, ни важности Линг Цинъю. Как и генерал Сунь считал, что Лин Цинъюй должен быть просто марионеткой, так и в нынешней ситуации, когда две армии сражаются, убийца Хэ Ли или Мэн Су, или что-то вроде того. Они сделали то же самое в следующий раз, убийство Вэй Лана и других было лучше, чем убийство Лин Цинъюя, но они боролись, чтобы потерять линию Сунь Чэнсина, а также забрали вещи у Лин Цинъюя. Что было так важно?

"Скажи Е По и Шили Е, чтобы все вернулись и отправились обратно в шатер Цинъюй".
Выражение лица Хэ Ли опустилось, и он сказал.

"Да!

" Е Шиси ответила, снова посмотрела на травму Мэн Су и повернулась, чтобы выйти.

"Этот парень хорош". Мэн Су усмехнулся, а затем снова воскликнул.

"Да." Хэ Ли кивнул, встал, чтобы освободить место для спешащего военного врача, вышел из внутренней палатки, посмотрел на модель королевского города в большой палатке и медленно провел пальцами по зданию дворца.

Чего хочет старейшина Хайши...

К югу от особняка Синцин находится Королевский город. В юго-западном углу Королевского города находится дворец.

В мрачном зале, в луче солнечного света, просачивающегося из внутреннего дворика, сидела старуха с всклокоченными волосами, глаза ее были закрыты, четки в руке продолжали вращаться, а рот бормотал слова.

"Ведьма!" Стоявший рядом молодой человек посмотрел на старца, выражение лица которого стало сердитым, и в девяносто девятый раз воскликнул: "Ведьма, старец здесь".

Ведьма подняла веки, прервала голос, открыла пару мутных глаз и посмотрела на старейшину.

"Хэйфэн послал две группы людей, чтобы убить женщину, и от этого пострадали десятки из нас. Не говоря уже о том, что даже Сунь Чэнсинь и Сунь Хао потерялись в этом. Теперь Ли Юаньчэн пришел к нам, чтобы поговорить. Теперь вы должны сказать мне, чего именно хочет

Хэйфэн?" Хэй Ци спросил с гневом. Люди семьи Сун держат ручку в своих руках, и 50 000 людей семьи Сун поддерживают их. Это их последняя темная игра, чтобы превратить поражение в победу. Однако Сунь Чэнсинь был убит черным ветром, а женщина была обезглавлена Хэ Ли, даже Сунь Хао. После того как черный ветер переместил 20 000 человек, не осталось ни одного, а голова Сунь Хао висела на воротах. Теперь оставшийся Сунь Цзяцзюнь, боюсь, все досталось Хэ Ли".

"Действительно", - ведьма, сама того не зная, начала крутить свои четки и спросила, - "Он получил?".

"Что?"

"Если он получил его, мы сможем вызвать мастера Ли Юаньхао, чтобы он вернулся". После этих слов ведьма слегка прикрыла глаза.

Хэй Ци была поражена, Мэн шагнул вперед и взволнованно спросил: "Правда?"

Что это?"

"Воскрешающий нефрит". Голос ведьмы был легким и слабым, но Хэй Ци была потрясена до глубины души, с тремя словами во рту, она сделала шаг назад.

Тысячи лет назад, когда Даньсян еще жил в Святой Земле, была передана тайная легенда. Эта легенда распространялась только среди ведьм каждого поколения. Посторонние не знают подробностей, но черный флаг до сих пор влюблен в ведьму или молодую. Когда я услышал, как она сказала.

Тысячи лет назад фея вывела свой народ из диких земель. Когда ведьма служила фее, она узнала один секрет. На фее был кусочек нефрита. Этот нефрит был средством, с помощью которого фея могла приходить и уходить из мира в мир. Мертвые воскресают по определенным ритуалам, но воскрешенные люди могут сохранять лишь облик своих трупов, они не могут существовать слишком долго, и они не очень сознательны.

А этот нефрит - нефрит воскрешения.

Даже если мастер Ли Юаньхао - труп, он может сделать партию еще более сильной и процветающей! Глаза Хэй Ци внезапно загорелись, и он сказал: "Это такая хорошая вещь, почему Хэйфэн не говорит об этом прямо?"

"Потому что он хочет призвать не мастера Ли Юаньхао, а" ведьма подняла веки, посмотрела на пылинки, плавающие на солнце, и прошептала: "Королеву-мать Лян."

Лицо Хэй Ци внезапно опустилось, и он сердито сказал: "Он все еще не сдается?"

"Если ты не заставишь его лично убить королеву-мать Лян, - ведьма спокойно посмотрела на Хэй Ци, - если ты оставишь их в живых, зачем ему это делать?"

"Вы верите людям Ляо, верите, что именно королева-мать Лянь сделала членов нашей партии такими слабыми, что она - женщина, которая вредит гарему, стране и народу, и что черный ветер и ее любовь грязны и невыносимы". Четки на пальцах ведьмы вращались все больше и больше.

Чем больше тревоги, тем ровнее был голос: "Ты угрожал Хэйфэну убить ее вместе с их детьми,

а потом перебил Хэйфэну вены. Каковы последствия такой расплаты? Теперь, когда Линь Цзябин под городом, твой Ли Юаньчэн Сможем ли мы победить? Сможем ли защитить наш королевский город? Ортодоксы..., если вы говорите ортодоксы, то Ли Юаньхао - лишь побочный эффект. Ортодоксальная кровь, которая передавалась тысячелетиями, - это черный ветер!"

"Так ты служишь Хэйфэну? Столько лет, пока Хэйфэн хочет, ты будешь ему помогать, но ты ему совершенно безразличен. Ему нравится эта красавица Лян Цзысинь!" Хэйци возмутился, а затем взмахнул ладонью, убил двух последователей, которые тайно готовились к бегству, сделал долгий вдох и сказал: "Неважно, что если королевский город будет разрушен, пока мастер Ли Юаньхао здесь, наши люди всегда смогут подняться снова!"

Увидев, что черный флаг исчез за пределами зала, ведьма прошептала: "Ату, ты там?"

Молодой человек вышел из-за занавесок позади дворца и недовольно произнес: "Свекровь, почему ты не сказала, что это нефрит воскрешения?"

Ведьма улыбнулась. Если бы она сказала тебе, что это воскрешающий нефрит, ты бы в отчаянии забрал его обратно, но женщину сопровождал мастер. С мастерством твоей трехлапой кошки она должна была умереть. Но теперь им придется бороться за все.

"Атуо, ты знаешь, какую цену нужно заплатить, чтобы использовать нефрит воскрешения?" Видя, что Атуо качает головой, ведьма улыбнулась: "В этом мире нет таких дешевых вещей. Если ты хочешь воскресить мертвого, тебе придется заплатить жизнь лорду Яню или жизнь самого близкого человека. Твой отец собирается обменять свою жизнь на жизнь твоей матери".

"А?" Атуо удивился, а затем прошептал низким голосом, что в этом есть смысл.

"Атуо, в конце концов, это твоя мать". Ведьма вздохнула.

"Моя мать?" Атуо усмехнулся и сказал: "Я не знаю, я был взят тобой с детства, и я также был незаконнорожденным ребенком, извергнутым в городе.

. Даже в бизнесе, если бы ты не говорила за меня, я бы не стал Светлым, теперь, когда у меня есть деньги, меня признали, хам, свекровь, я признаю тебя только как родственницу".

Ведьма тихо вздохнула. Лян Цзысиню было всего четырнадцать лет, когда он родил Атуо. Позже он был выбран в наложницы первого императора и вошел в королевский город. Как он мог принести этого ребенка, если бы не момент, когда он был мягкосердечным и принял ребенка, я боялся, что семья Лян Он собиралась убить этого ребенка, даже если его отцом был Черный Ветер, он убьет его за положение наложницы.

"Атуо, следуй за черным флагом, он обязательно выйдет за пределы города, чтобы лично забрать нефрит воскрешения, ты следуй за ним, найди возможность схватить его". Ведьма поманила его подойти ближе, сказала.

"Свекровь, не ты ли это? Думаешь, я выбила черный флаг? Или под ним есть свита?" А Туо расширил глаза. Вся элита Хэйши подчиняется Хэйци, а его дешевый отец имеет репутацию старейшины, но человек, который может спровоцировать это, действительно не может попасть за стол переговоров. Когда дело доходит до власти, нет другого старейшины, который был бы так же велик, как Хэйци".

"Он не знает, как выглядит нефрит воскрешения, ты помнишь, во что была одета женщина в то время?" Ведьма мрачно улыбнулась и сказала: "Она несла его в руке, тогда это браслет, а не

нефритовый кулон. Хэй Ци возьмет только нефритовый кулон на ее теле. Ты можешь подождать, пока они сходят за браслетом".

"Свекровь, ты имеешь в виду, что я подойду и потрогаю ее после того, как Хэйци убьет ее? Это хорошо. Но зачем ты принесла эту штуку? Ты сказала, что даже если ты выживешь, то сможешь прожить лишь некоторое время. И тело женщины почти сгнило, верно?" неодобрительно сказал Атуо.

"Не будь долговязым, забери его для моего собственного использования". сказала ведьма, постучав по нему пальцем.

Глядя, как Атуо выходит с разинутым ртом, ведьма медленно встала и пошла в зал позади.

Воскрешающий нефрит, это фейковая вещь, что толку вызывать мертвых, чтобы они вернулись? Но если ты сможешь вернуться на святую землю и использовать его на алтаре, возможно ли открыть проход для бессмертных в бессмертный мир? Таким образом, черный ветер может быть спасен.

Хоть это и маленькая надежда, но это лучше, чем смотреть, как он умирает вот так.

"Учитель..." Осторожно потянув руку Линь Цинью, Мэн Су широко улыбнулся.

Линь Цинью проигнорировал его с суровым лицом, наблюдая, как Алан снова вскрывает рану и зашивает ее, до боли в сердце.

"Это, шипение, не так ли много подчиненных", - Мэн Су снова потянул ее за руку, всегда выходя так, будто люди с добрым нравом и улыбающимся лицом были суровыми и злыми. Это было действительно страшно, и он продолжал улыбаться. : "Хм, мы тоже генералы, шипение, не сердись, в следующий раз не так".

"О, парень, ты действительно считаешь себя железным человеком", - сказал Алан, разводя руками: "Ты ранен в ней, и ты осмеливаешься ехать так далеко на лошади? Ты боишься порвать себе кишки?"

"Тогда, шипение, не слишком ли глубоко он вошел". Мэн Су взглянул на сломанный клинок с колючкой. Именно из-за колючки он не решился вытащить его тогда, и если бы Линь Циньюй знал об этом в то время, неизбежно возникли бы беспокойство и тревога. В то время присутствовали не только его войска, но и войска Чжоу Сюаня из армии Ракша. В их глазах Линь Циньюй должен быть командиром, не показывающим слабость из-за небольшой травмы. люди.

Линь Циньюй не издал ни звука, наблюдая, как Алан закончил накладывать швы, встал и вышел из внутренней палатки.

"Циньюй..." Мэн Су не мог не позвать ее по имени, потянулся, чтобы обнять ее, но Алан отбил его руку и сказал: "Честно, парень, это не я сказал, неважно, насколько ты хорош, это не такой уж и жребий, если хочешь умереть раньше времени, не провоцируй её".

Мэн Су бессознательно отдернул руку и посмотрел на Алана.

"Она очень горькая в своем сердце". сказал Алан, накладывая повязку: "Вы все хотите быть хорошими для нее.

Вам даже не нужно жить. Вы когда-нибудь думали о том, как тяжело ей? Девушка не любительница, других Это хорошо, она не может закрывать на это глаза, но когда она смирится с этим, ее ждет смерть. Снова и снова она не может смириться с этим, даже если она ей действительно нравится. Если она ей действительно нравится, она должна научиться дорожить собой. ."

Посмотрев на Хэ Ли, опирающегося на колонну, Алан собрал свои вещи и сказал: "Мертвые счастливы. Они умерли за своего любимого человека. Как благородно и счастливо, но задумывались ли вы когда-нибудь о том, кто остался? Знаете ли вы ту боль, от которой не можешь заплакать, даже если плачешь?".

Стерев влагу с уголков глаз, Алан отвернулась от внутренней палатки, сменив улыбку, чтобы встретиться с Лин Цинью снаружи.

"Брат Ли..." Голос Мэн Су был полон терпкости. Он посмотрел на верхнюю часть палатки и сказал: "Я что-то делаю не так?".

Вы не можете оставаться вместе до конца жизни. Лучше не быть вместе в самом начале. Он Ли слабо улыбнулся, солнечный свет проник сквозь занавес, открытый Аланом, а затем прочертил свет и тень на земле, когда занавес опустился.

Но я ничего не могу поделать. Я знаю, что делать, но ничего не могу с собой поделать. Я хочу подойти к ней, хочу обнять ее, хочу быть вместе, пусть даже целый день, и хочу оставить след в ее сердце...

"Не волнуйтесь, ничего не случится, молодой человек, выздоравливайте скорее". Алан встал рядом с Лин Цинью, посмотрел на энергичных молодых солдат в лагере и прошептал: "Девочка, перестань быть эмоциональной".

Линь Цинью засмеялась про себя и тихонько заскулила.

Алан взял ее руку, потер ее и сказал: "Но если ты уже переехала, ты ничего не сможешь сделать. Обращайся с ним хорошо".

"Алан!" Линь Цинью в шоке повернул голову и посмотрел на Алана.

"Не будь таким чувствительным, скажи это, все в порядке". Алан улыбнулся и сказал: "Просто на поле боя нет глаз. Кто знает, что случится в следующий раз?"

Раз ты не можешь остановиться, значит, ты должен быть морально готов к этому, независимо от результата, Прими его".

"Я думал, что после смерти Янь Сана и Янь Чжао я больше никогда никого не полюблю". слабо сказал Линь Цинью, но в его сердце была та же боль. Я думал, что больше никогда не полюблю. А раз я не люблю, то что? Это не имело значения, но только после смерти Чэн Цзя и Ин Цю они поняли, что есть чувства, которые нельзя игнорировать, даже если захочешь. Такие сильные чувства, те чувства, которые накапливались и проникали в сердце каждый день, не говорят нет Любовь действительно не любит, поэтому, когда Янь Ци умерла, она была так опечалена, что не могла плакать. Поэтому, увидев рану Мэн Су, ее сердце сжалось от страха.

"Просто люби", - усмехнулся Алан, - "Может быть, в будущем она станет такой же, как Рам".

"Всё? Тогда я тоже буду грустить!" Линь Цинью бессознательно посмотрел на нее.

"Хозяин."

Оба оглянулись и увидели Сум, держащую на руках ребенка. Их улыбки были яркими, как солнце. Алан Линг Цинъюй протянул руку и взял ребенка на один шаг. Он разинул рот и сказал: "Но я не боюсь, у меня все еще проблемы. Где мой сын!"

"Эй-эй! Это мой сын!" не удержался Алан и воскликнул.

"Иди рожай снова, это мой, иди, сын, зови меня мамой!" Линь Цинъюй вывернулась из рук Алана и обратилась к ребенку, который хихикал из-за ее поворота.

Погода в июне была уже жаркой. 10 июня, после того как Е 11 узнал о тайном проходе Хэй Ша, Хэ Ли послал людей, чтобы убедить его сдать перед строем.

15 июня был пасмурный день, и погода стала прохладной. Ветер развевал флаги, и суровые батальоны выстроились перед восточными воротами особняка Синцин.

Раздался низкий звук рожка, и множество солдат высыпало на стену. Кипящее масло, камни, костяные бочки и всевозможные оборонительные приспособления были подняты вверх, а лучники плотно стояли на стене.

Ли Юаньчэн посмотрел на фалангу, словно она окрасила дикую местность в красный цвет, презрительно улыбнулся и сказал: "Хотел бы я посмотреть, кто из нападающих умрет".

Ров восточных ворот самый неглубокий, поэтому он закопал бесчисленные трибулы на равнине впереди.

"Маршал, смотри". Лейтенант указал на место, куда отступила фаланга, и сказал: "Что они хотят делать?".

Увидев неторопливо выходящий скот, Ли Юаньчэн сначала хотел рассмеяться, потом улыбка застыла в уголках его рта, наблюдая, как скот с завязанными глазами, с пушистой травой, висящей на хвостах, идет на некоторое расстояние от армии. В несколько рядов промчался, сильно шлепнулся на городскую стену и выругался: "Проклятье!".

Нижняя часть живота скота была покрыта тонким слоем брони, и когда за ягодицами загорелась пушистая трава, они бросились вперед.

Сотни коров неистово бросились к восточным воротам. Взрыв раздавался один за другим. Воловья шкура была толстой, и самая мягкая нижняя часть живота была покрыта железной кожей. От взрыва трибулус террестрис разлетелся во все стороны, но они не пострадали. Коровы начали неистовствовать, разбегаясь по равнине.

Когда первая корова бросилась в ров, лицо Ли Юаньчэна стало бледнеть. Когда все больше и больше коров устремились в ров, Ли Юаньчэн слегка прикрыл глаза, а затем сурово посмотрел на противоположное знамя Хэ Цзы. .

Скот, который бросился обратно на фронт битвы, был застрелен на равнине. Когда взрыв постепенно затих, скот утащили.

Часть красных солдат протиснулась вперед на пятьсот метров, а затем позади солдат заработала артиллерия и спекулятивная авиация. Корова с пушистой травой подошла к месту

на некотором расстоянии от армии и была загнана в несколько рядов, яростно похлопала по городской стене и сказала "Черт!".

Нижняя часть живота скота была покрыта тонким слоем брони, и когда за ягодицами загорелась пушистая трава, они бросились вперед.

Сотни коров неистово бросились к восточным воротам. Взрыв раздавался один за другим. Воловья шкура была толстой, и самая мягкая нижняя часть живота была покрыта железной кожей. От взрыва трибулус террестрис разлетелся во все стороны, но они не пострадали. Коровы начали неистовствовать, разбегаясь по равнине.

Когда первая корова бросилась в ров, лицо Ли Юаньчэна стало бледнеть. Когда все больше и больше коров устремились в ров, Ли Юаньчэн слегка прикрыл глаза, а затем сурово посмотрел на противоположное знамя Хэ Цзы. .

Скот, бросившийся обратно на фронт битвы, был застрелен на равнине. Когда взрыв постепенно затих, скот утащили.

Часть красных солдат протиснулась вперед на пятьсот метров, а затем позади солдат запустили артиллерию и спекулятивную авиацию.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2568005>